

Мальчик наклонился и выломал из хрупкой прозрачности треугольный кусок. Лед был ровным и приятным на вид. Даня выпрямился и посмотрел сквозь него в темноту неба. Небо сразу усложнилось и расплылось, как будто кто-то размазал его кисточкой.

«Милая мама, Аля очень хорошая, она помогла мне письмо писать. Все писали письма, а мне Лидиванна не хотела давать бумагу почему-то, но я очень просил, и она потом дала. Я написал, а Аля исправляла. Аля сказала, что не надо каждый раз писать “милая мама”, но, по-моему, надо, я это не исправил. Я потом все переписал красиво. Два раза, первый раз не получилось».

Мальчик сошел с крыльца и сделал несколько шагов вдоль стены дома – невесомая белизна поля не пускала вовнутрь. Плотная ночная тишина с хрустом поглощала Данины шаги. Он остановился и оглянулся: цепочка следов с легкими хвостами – как у комет. Стало немного жаль, что испортил снежную цельность.

«Милая мама, к нам опять приезжали тети в красивой одежде. От них приятно пахло. Лидиванна сказала ничего плохого не рассказывать, так что я молчал».

Даня услышал, как захрустел под ногой тонкий лед. Мальчик аккуратно разгреб единственной ватрежкой снег, надавил еще и долго смотрел, как от его ботинка разбегаются тонкие холодные изломы.

«Милая мама, Лидиванна сказала, что если я буду драться, то ты не приедешь. Я теперь не дерусь, только терплю. Гарик обтирал козявки мне о рубашку и прилепил жвачку к волосам, но я его не тронул».

Милая мама, ты не волнуйся, я очень хорошо дерусь, просто сейчас нельзя. Когда ты приедешь, я всегда буду тебя защищать ото всех».

Мальчик наклонился и выломал из хрупкой прозрачности треугольный кусок. Лед был ровным и приятным на вид. Даня выпрямился и посмотрел сквозь него в темноту неба. Небо сразу усложнилось и расплылось, как будто кто-то размазал его кисточкой.

Даня свернул за угол дома и окинул взглядом деревню. В некоторых домах уютно теплился свет, отбрасывая широкие лучи на снежную гладь. Если сейчас пойти к бабе Шуре, от которой всегда пахнет сеном и пирогами, вот она удивится: «Даня, ты как тут?» А он ей скажет: «А вот так! Вот он я!» Только ему нельзя, он на посту. Он маму ждет.

«Милая мама, я один раз слышал твой голос. Лидиванна сказала, что ты сейчас позвонишь, и дала телефон, а сама ушла куда-то. У тебя такой голос... самый лучший. Гарик сказал, что это не ты, а Лидиванна звонила, только он все врет. Я по телефону слышал, что ты очень красивая».

Над бескрайним снежным простором в слепящей темноте все так же тихо парили невесомые всплески звезд. Пустота ширилась и расплзалась куда-то вдаль, уничтожая место и время.

Мальчик деловито поправил покосившийся столбик перил крыльца – «завтра надо будет молоток у Степаныча попросить» – и поднялся по ступенькам.

«Милая мама, мне говорят, что у тебя очень много дел, поэтому ты не едешь. Но ты все равно приезжай, мы все дела будем вместе делать. Я буду стараться и очень тебе помогать, приезжай, пожалуйста».

Даня сел на обледенелые доски крыльца, прилонился спиной к двери. Поймал на палец тонкую нежность снежинки: диковинный острый узор в бархатной окаемке. Снежинка не таяла. Мальчик прикоснулся к ней пальцем, и она кончилась кристаллами пыли. Даня как-то глухо, по-взрослому вздохнул.

«Милая мама, я тебя никогда не видел. Но я думаю, у тебя золотистые волосы, как у ангела, белое платье, и ты пахнешь морошкой. Я знаю, что ангелов не бывает, но у тебя волосы, как у них. Приезжай ко мне, пожалуйста, я тебя очень жду».

Даня откинул голову и закрыл глаза. Прозрачность ночи медленно растекалась, тихо наполняя собой все вокруг.

Милая мама.

Курица

Милый Вова,

Здорово.

У меня не плохая

«Жись»,

Но если ты не женился,

То не женись.

С. А. Есенин

– Мужчина, вам какие цветы?

Мужчина отстраненно посмотрел на продавщицу и не проронил ни слова

– Цветы вам какие? Цветы брать будете?

«Да кто его знает, какие мне цветы. Понятия не имею, какие она там любит».

– Какие обычно берут?

– Ну, это смотря для кого, – философски начала женщина в окошке.

– Розы, давайте розы, – торопливо заключил он, предчувствуя долгий монолог работницы цветочной индустрии.

Вооружившись тщательно завернутым в бумагу букетом коралловых роз, он решительно зашагал по улице под неутихающими порывами февральской метели. С Володькой они не виделись очень давно, точнее, с тех пор, как тот женился: то кран дома надо починить, то на дачу пораньше решили поехать... Все понимали, чьих рук это дело, но тактично молчали. И вот, наконец, получилось. Позвонил. Сам! Зовет к себе домой, мол, с женой познакомлю, вместе посидим, как в старые добрые. После всех неудачных попыток встретиться идти, честно говоря, не очень-то и хотелось, но совесть пересилила, как-никак лучший друг.

– Здравствуйте-здравствуйте, а мы уже заждались!

Его сразу же обдало запахом приятных, но слишком уж сладких женских духов и домашней стирки. Где-то там, на задворках квартиры, стоял и смущенно улыбался еще больше потучневший и начавший лысеть, но все тот же ненаглядный Володька. Путь к нему преграждало изящно одетое юное существо в красном платье.

– Дмитрий, очень приятно, – стремительно протянул руку решившийся поскорее покончить со всем этим и прорваться к старому другу гость.

Существо опешило от такого напора и на секунду отступило.

– Володька!

– Димка!

И понеслось. После нескольких общих тем и обязательного «а это моя Аня, наконец-то вы поближе

познакомитесь» началось долгожданное «а помнишь на третьем курсе?» и животрепещущее «в Консе опять сокращения? Гергиев в этом году когда приезжает?». Никто из них не заметил, как они очутились за столом и что ели. Красивое существо, то и дело встречававшее с вопросами о том, досолен ли суп и хватает ли закусок – надо отдать ей должное, готовила она отменно, – наконец потеряло интерес к разговору, погрузившись в телефон, но продолжая тактично смеяться в нужных местах беседы. Постепенно первые восторги стихли, заговорили о важном:

– Знаешь, у меня ведь инструмент новый. Кертина купил.

– Да ладно! Это же целое состояние! Покажи!

Гордо пыхтя и отдуваясь, Володька бережно вынес в своих массивных, поросших черной шерстью лапшах новенькую скрипку и нежно передал ее другу. Благоговейно прикасаясь к инструменту, друзья рассматривали тонкие гриф и шейку, изящные эфы и аккуратные колки, обсуждали достоинства и недостатки разных древесных пород как материала для скрипок, специфику технологий изготовления – совсем как в старые добрые времена, когда они и помыслить не могли держать в руках такое сокровище. Постепенно разговор иссякал, но оба продолжали за него цепляться – оттягивали главный момент. Наконец, как бы нехотя встав, Володька вздохнул:

– А теперь... А теперь я сыграю.

То, что было дальше, оба помнили смутно. Когда скрипка смолкла, друзья, изможденные и даже слегка взмокшие, так и остались на своих местах, все еще слушая обертоны давно затихшей мелодии.

Красивое существо, почти отчаявшееся привлечь к себе внимание в продолжении вечера, наконец уловило паузу во всем этом гвалте и возне, гордо выступило вперед и промолвило:

– А теперь, – немного замешкалось, – а теперь курица!

Дмитрий шел домой по освещенной фонарями улице под мокрыми хлопьями не унимавшейся метели: «Кертин. Настоящий. И курица. Хорошая домашняя курица».

После музыки

По стакану ползла муха. У мухи было шесть лап, которыми та перебирала по стеклянной поверхности, поводя хоботком из стороны в сторону и щупая прозрачную гладь. Муха доползла до капли рубинового сока, стекавшего по стенке, и остановилась.

Фигура человека,
несущегося сквозь
потоки стихии, хрупка
и нереальна. Мужчина лет
тридцати в одних штанах
и домашней обуви быстро
шагает, на ощупь находя
дорогу под слоем воды.
Рослая фигура, узковатые
плечи, едва наметившаяся
лысина, в руках –
скомканная шелковая
ткань золотистого цвета.
Быстрее, сейчас, сейчас,
потом будет поздно!

ный воздух – как тогда, в девятнадцать. Марина
позвала маму, убиравшуюся на кухне, и попросила
помочь сесть за стол и принести бумагу.

– Ночь уже, Марин.

– Да все равно не сплю.

Лампа отбрасывала большое четкое пятно на бумагу и часть стола. Верхний свет Марина просила не зажигать. Ане задали нарисовать цыпленка. Цыпленок у Марины не получался – неровное, слишком маленькое тельце (просто неумело нарисованный круг, если честно) венчала непропорционально большая голова, да и клюв был за гранью всех законов орнитологии.

Марина отложила бумагу и взяла новый лист. Оглядела комнату: кровать, коляска, тумбочка, стол со стулом, окно. Ночь шелестела мириадами звуков и звериных возгласов.

Марина провела по бумаге карандашом. Линия выглядела одинокой и неуверенной. Потом еще раз. На листе стали вырисовываться очертания пещеры и хрупкой человеческой фигурки, замершей у выхода. А там – мириады звезд на небе и большая неземная луна. Голову наполнила знакомая упругая волна, останавливающая время и запускающая бес-

конечный танец души с вечностью. Непривыкшие к карандашу руки не давали волне развернуться в полную силу, но она там была, Марина знала.

Когда Марина закончила, за окном уже светало.

– А цыпленка завтра нарисуем, – улыбнулась она, откладывая в сторону карандаш.

Ночью ей снилось, как она идет по залитой солнцем летней улице. Легкое белое платье, широкополая шляпа с синей лентой, изящные каблочки и длинные точеные ножки. Марина подходит к бежевому просторному дому и поднимается на веранду, где стоит высокий мольберт.

Девушка открыла глаза. Теплый острый луч, пахнущий светом и жизнью, пробился сквозь плотные шторы и разделил комнату на две половины. Ненавистная муха кружила по комнате, потом села на солнечную часть рамы, засемила по ней и вылетела в окно.

Ночь отречения

Ночь выдалась страшная, живая. Тяжелые потоки воды падали с неба, заполняя вязкую темноту вокруг. По временам гром прорезывал плотную влагу. Пространство ночи, тонущее и в своей беде непреодолимое, грозное, съезжалось от каждого удара, а затем продолжало разворачиваться и ползти, поглощая весь мир.

Фигура человека, несущегося сквозь потоки стихии, хрупка и нереальна. Мужчина лет тридцати в одних штанах и домашней обуви быстро шагает, на ощупь находя дорогу под слоем воды. Рослая фигура, узковатые плечи, едва наметившаяся лысина, в руках – скомканная шелковая ткань золотистого цвета. Быстрее, сейчас, сейчас, потом будет поздно! Между домами спального района, по знакомой дороге с бессильными фонарями, по краю оврага к мусорным бакам.

Вода стекает по его голой спине, заливает глаза, ставшие от слез пронзительно зелеными и юными, как у семнадцатилетнего мальчика. Он помнит, как Она приходила в дом, стремительная и веселая, пахнущая карамелью и беспечностью. Как шумела и роняла вещи, нарушая пустынной суетой уклад его обители. Как рассматривала ноты и силилась что-то сыграть на стареньком фортепиано, просила спеть «вот то, быстрое, с флажолетами», а после сидела в полусвете ночной лампы, прижимаясь к нему боком, и водила холодными пальцами по вспухшим венам на его руке.

А потом Она исчезла. Растворилась, как будто и не было ее вовсе. Не было ни смеха, ни ночника,

Это был парень-двушлетка, не важенка – рога слишком большие. У важенко тоже есть, нужны для защиты выкопанного из-под снега корма от более сильных особей, но с рождением деток отпадают. Мохнатый черный нос, широкие ноздри, расходящаяся стрелка белесых волос на лбу. Сваленая от влаги и снега шерсть на груди и две янтарные капли у самых глаз. Будто солнечные блики кто уронил. И Олээнэ начала собираться.

Сволокла в сумку пожитки, которые удалось накопить за три года, – несколько дешевых платков – дарил на Новый год, пара свитеров, дырявые шерстяные носки – еще из старой жизни, замусоленная открытка от внучки Айты: «Ты меня там, баба, не забывай. Я тебя жду». Денег не было, как и паспорта. Деньги отбирали.

От привычного рабочего места сегодня не тошнило. «Кэм». Шестичасовые таба, знакомый восьмичасовой набор из школьников, бабушек и офисников. Баба Клава не стала садиться, так и стояла в переходе, рассказывая людям, что едет к внучке, что надо сегодня, а денег нет, пока не заныли ноги. А в водянистых глазах с точеной синей окаемкой по краю плескалось что-то новое, давно забытое. Как у оленя, пережившего зиму.

Самый чудной народ выбирался к часу-двум дня. Молодые избалованные жены стучат каблукками – «куруускалар», компании крикливых полупьяных подростков, которым вечно не надо в школу. По переходу шествовал панк с высоким желтым ирокезом на голове.

*Там, наверное, вообще не надо будет умирать.
Я проснулся среди ночи и понял,
Что все идет по плану.*

«А ведь стар ты для этого касатик, нет? Устал, поди, без человеческого». «Касатик» приблизил лицо к смотревшей ему в упор бабе Клаве. Одутловатые складки на щеках тридцатилетнего человека, бесчувственная сталь глаз.

– Прорвемся, бабуль, прорвемся! – в лицо дохнуло утренним перегаром.

– Мне бы на билет до внучки, родной, на билет.

– Сколько?

Потом было мучительное выворачивание карманов. Звонки друзьям. Ругань в трубку. Когда они подошли к кассе и Коля узнал, что паспорта у бабы Клавы нет, выругался.

– Бабуль, ты чо? Вчера родилась?

Пошли договариваться с проводницей. Через час, когда баба Клава сидела на нижней полке плац-

картного вагона, от глаз продолжали стремиться длинные прозрачные дорожки – как Лена, как Олээнэ. Она махала рукой желтоволосому Коле, который немного застенчиво переминался с ноги на ногу на перроне. Из внутреннего кармана кожанки торчала потрепанная открытка от внучки. Поезд тронулся, Коля заметался вдоль вагона – почувствовал, что вместе с этой неприбранной старушкой из его жизни уезжает важное.

– Бабуль, как тебя зовут? – прокричал сколько было голоса в окно.

«Олээнэ, Олээнэ».

Перед глазами замелькали придорожные столбы – длинные ноги весенних таба. Почуяли тепло и несутся вдоль перелеска вперед, в синеву. А им навстречу – маленькая Айта. Раскинула руки в стороны и кричит что-то, кричит. Смеется.

«Я сейчас. Я уже скоро».

